

О.Н. ЯНИЦКИЙ

Митинги повсюду: реабилитация гражданского активизма в России*

Цель статьи – выявление нового в теории и практике социальных движений в России, порожденных массовыми протестами 2011–2012 гг., в национальном и глобальном контексте. Причины массового протеста, его участники и социальная база, структурная и функциональная специфика, а также “ответ” государства на этот социальный и политический вызов – таковы фокальные точки предлагаемого анализа.

Ключевые слова: Россия, глобализация, массовый протест, социальная реабилитация, социальные сети, теория социальных движений.

Article purpose – revealing new in the theory and practice of social movements in Russia of 2011–2012 in a the national and global context. The reasons of the mass protest, its participants and a social base, structural and functional specificity, and also response of the state to this social and political call – these are focal points of the offered analysis.

Keywords: Russia, globalization, the mass protest, , social rehabilitation, social networks, the theory of social movements.

Российская социология чрезвычайно бедна теоретическим анализом социальных движений (СД). С началом перестройки за исключением нескольких работ [Здравомыслова, 1993; Акции...1996; Яницкий, 1991, 1996; Кагарлицкий, 2000; Клеман, Мирсова, Демидов, 2010; Temkina, 1997] основное внимание исследователей уделялось социальным институтам и политическим партиям, в которых тогда видели основные рычаги грядущего транзита к новому обществу. Даже опыт “бархатной революции” в странах Центральной и Восточной Европы, осуществленной почти исключительно “руками” массовых СД, не оказал никакого влияния на развитие соответствующих теорий в новой России. Несомненно, здесь сказалось влияние западных советников и экспертов. Они всеми силами насаждали в России свою модель возрождения российского гражданского общества посредством создания множества мелких местных некоммерческих организаций (НКО), вероятно именно потому, что хорошо знали: именно СД на протяжении двух веков были главной силой социальных и этических преобразований в западном мире (см., например, [Branch, 1999]) и, как мы видим сегодня, по всему миру.

В отличие от мировой практики институционализации исследований СД (наличие соответствующих комитетов в международной, европейской и многих национальных

* Статья выполнена в рамках проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (№ 11-03-00267а).

социологических ассоциациях, лекционных курсов по теории СД, десятков научных журналов по данной теме и т.д.) в течение всего двадцатилетнего периода реформ в России не было создано центров по изучению этих движений. Не удалось добиться институционализации данной проблематики в виде стабильных учебных курсов в гуманитарных вузах, комитетов в Российском обществе социологов, секций на всероссийских социологических конгрессах.

Причина сложившейся ситуации была одна: и западный, и российский политический истеблишмент, напуганный преобразовательным потенциалом народных фронтов в Советском Союзе в 1990-е гг., постарался после его распада ввести трансформационный процесс в институциональное русло “сверху”. Они не понимали, что СД несут не только разрушительный, но и созидательный потенциал и, сверх того, помогают гражданам адаптироваться к переменам. СД – мощный инструмент реабилитации личности.

Основы теории социальных движений

Краткое теоретическое введение потребуется для интерпретации недавних событий в России и мире. СД – порождение и одновременно форма существования гражданского общества. Хотя политические партии, частный бизнес и даже его транснациональные корпорации считаются сегодня компонентами гражданского общества [Global... 2003], все же здесь акцент следует делать прежде всего на СД. Ибо СД – это прежде всего форма самоорганизации граждан, преследующих и политические, и гуманитарные, и экологические, и иные цели [Seligman, 1992; Hall, 1995; Tilly, 2004]. В отличие от политических партий, вертикально структурированных с жесткой партийной дисциплиной, СД суть горизонтальные образования сетевого характера с одним или несколькими “ядрами”, именуемыми организациями СД (*social movement organizations, SMOs*). СД отличаются от партий тем, что часто не имеют официальных программ, однако их манифесты позволяют совокупности их местных ячеек быть “единством в многообразии”, то есть действовать самостоятельно, в зависимости от меняющегося контекста. Ввиду того, что парламентская форма управления национальными государствами все хуже сочетается с сетевой самоорганизацией наднациональных сообществ, политическую активность СД можно квалифицировать, используя термин У. Бека, как иную, внепарламентскую, политику (*sub-politics*).

Цели СД “материализуются” в действие посредством формирования фреймов, то есть “рамки восприятия действительности”. Хотя понятие фрейма было введено в научный оборот И. Гоффманом, в социологии СД все концепции фрейминга восходят к классической работе Д. Сноу и Р. Бедфорда, согласно которой фреймы суть интерпретативные схемы, которые упрощают (конденсируют) “внешний” образ мира посредством избирательной акцентировки и кодирования объектов, опыта и последовательности действий в среде их прошлого и настоящего обитания. Авторы подчеркивают, что акцентирование (в их терминологии, *punctuation function*) означает выделение некоторого события или конфликта не только как особо значимого, но именно как несправедливого, нетолерантного, в конечном счете такого, которое невозможно терпеть [Snow, Benford, 1992].

Теперь – о структуре и функциях СД. Концептуальная структура различных его теорий имеет в своей основе такие понятия, как: ценности и цели, стратегия, тактика и репертуар действий, социальная база, ресурсы и их мобилизация, структура политических возможностей, расстановка сил, контекст, формы организации и самоорганизации.

Большинство исследователей разделяют СД на “старые”, ориентированные на материальные ценности, и “новые”, стремящиеся к обретению постматериальных ценностей (образования, свободы слова, соблюдения прав человека) [Kriesi...1995, Social... 1995]. Но в 1989 г. на площади Тяньаньмэнь и в 2011 г. на проспекте Сахарова протестовали люди, принадлежавшие не только к разным культурам, но и к

разным цивилизациям. Однако их требования были весьма сходны: борьба с коррупцией, ликвидация кричащего разрыва между богатыми и огромной массой живущих на грани голода. Но контекст был совершенно разным: коммунистический Китай и Россия “мягкого авторитаризма”. Соответственно, структура политических возможностей была различной. Наконец, в первом случае инициаторами и организаторами протеста были студенты, тогда как во втором – лидеры внесистемных (оппозиционных) партий [Wank, 1995; Weselowski, 1995; Альбац... 2011; Барабанов, Мостовщиков, 2011; Ермолин, 2011]. Сходство требований в условиях разного контекста говорит об относительности деления СД на новые и старые и необходимости более глубокого анализа ценностей, которые потом превращаются в требования участников СД.

Социальное движение и его фокальная точка – это конфликт. Что требует изучения расстановки сил *pro et contra*, причем не только главных, противоборствующих, но и всего социального “облака” их окружающих: сочувствующих, сторонних наблюдателей, равнодушных. Но конфликт всегда контекстуален, значит, для понимания причин, его породивших, необходимо познание не только позиций отдельных граждан, но и их организаций, их места в административной иерархии и т.д.

Но помимо “облака” у СД всегда есть социальная база (*constituency*). Ее активную часть я обозначил как “порождающую среду” (*engendering milieu*), которая не только сочувствует и симпатизирует, но и обучает активистов, снабжает их необходимыми знаниями и ноу-хау, а также прикрывает их от давления противоборствующей стороны [Яницкий, 1996]. Например, в 1960–1990-х гг. у экологического движения такой средой была интеллигенция, сосредоточенная в вузах и НИИ, во времена перестройки у Интерфронта – рабочие коллективы, а у современных “Наших” – властные и силовые структуры, а их “основным рекрутинговым ресурсом (“Наших”.– О.Я.) является бедная провинция” [Ермолин, 2011, с. 41].

Такие же полярные позиции мы видим и в отношении другого инструмента СД – социальных технологий проведения массовых протестных акций. Если демократически настроенная интеллигенция стремится мобилизовать чувство моральной ответственности населения, помочь ему правильно оценить ситуацию и научить технологически грамотно отстаивать свои гражданские права, то противоположная сторона заявляет, что “мы с нашими технологиями можем делать с российским населением все, что угодно” (цит. по [Ермолин, 2011, с. 42]).

Теперь о ресурсах массового протеста. Ряд аналитиков и наблюдателей утверждают, что отсутствие права голоса и участия в принятии решений в любой публичной сфере были главными “отрицательными ресурсами”, то есть мобилизующими мотивами массовых протестов. Сбор частных пожертвований потребовался только на аренду технических средств на проведение столь масштабного митинга, как на проспекте Сахарова. Действия контрдвижений, включая их финансирование, мобилизацию и доставку в нужное место, контролируются государственными, в том числе силовыми структурами [Барабанов, Бешлей, 2011, с. 42–44].

Ресурс любого социального движения, тем более в условиях глобализации, “имеет принципиально экстерриториальный характер: ресурсы берутся там, где их можно взять, а не там, где данная организация или движение сформированы” [Яницкий, 2002, с. 280]. Здесь все зависит от мотива участия. Если масса людей недовольна или обеспокоена конкретной ситуацией, то средством мобилизации ресурсов становится само недовольство. Американскими социологами уже 25 лет назад была разработана теория мобилизации ресурсов, ключевым из которых были деньги (в форме частных и иных пожертвований) [Social... 1987]. Однако она была релевантна для подобных (тогда стабильных и богатых) обществ. Сегодня ситуация иная потому что, во-первых, на первое место вышел моральный протест, а во-вторых – объем доступных ресурсов зависит от структуры политических возможностей. Так или иначе, существуют *три вида ресурсов*: те, которые доступны автоматически, без каких-либо усилий протестующих; те, которые сами требуют затрат их энергии и ресурсов; и, наконец, те,

которые появляются в ходе развития самого протестного процесса. Так что процессы аккумуляции и расходования ресурсов суть зависимые переменные от успеха или неудачи протестной кампании.

Причины, состав, следствия

Длительная аккумуляция негативных ожиданий, раздражения и недовольства действиями властей разных уровней была главной причиной серии массовых протестов осени 2011 г. Строго говоря, эти протесты по всей стране начались задолго до того – в 2010 г. и раньше. Но, видимо, нужна была их критическая масса и всеобщая причина (частичная фальсификация результатов выборов в Государственную думу), чтобы проблема “из Интернета переместилась на улицу”. Это был гражданский протест молодого среднего класса, поддержанный другими слоями населения. Другая важная причина: слишком быстрая, я бы даже сказал – насильственная, индивидуализация гражданского общества. Те, кто вышли на митинги в самых разных городах, были счастливы быть снова вместе, снова обрести “мы-чувство”. К тому же многие, вышедшие на митинги, хранили в душе ощущения свободы и надежды на лучшее будущее, обретенные ими в ходе массовых митингов времен перестройки. Феномен, который я квалифицирую как зависимость от прошлого (*path dependence*). Еще одной причиной было возникновение сетевого сообщества вне пределов государственных институтов и установленного ими социального порядка. Поэтому некоторые аналитики квалифицировали данное событие не как безликую толпу, а как собрание состоявшихся молодых людей, которые выросли в более открытом и свободном обществе. Как сказал один известный журналист, «когда человеческое достоинство было серьезно уязвлено, “интернет-народ” вышел на митинг».

Показательно, что главным коллективным актором серии митингов 2011 г. были не оппозиционные партии, движения или группы, но граждане, достаточно молодые (25–45 лет), образованные, состоявшиеся люди, способные оценить, что произойдет в стране и за ее пределами в условиях грядущего нового экономического кризиса. Были и старшее поколение, и матери с маленькими детьми, и просто любопытные. Как и в США, протестанты могли бы сказать “мы – это 99%”, но не в смысле их числа, а в смысле их социального качества: думающие, креативные, с запасом социального капитала.

Как и в США, и в Европейском союзе (ЕС), в России это был международный протест. Однако тут нужны некоторые уточнения. Во многих странах ЕС и в России одним из доселе нерешенных вопросов остается национальный вопрос. “Нельзя демократизировать центр, не допуская сепаратизма окраин” [Фурман, 2010]. Его нерешенность вызывает то тут, то там всплески национализма, и прежде всего русского национализма. Кстати сказать, группа русских националистов на проспекте Сахарова была наиболее организованной и выделялась среди других. Специалисты утверждают, что есть два вида русского национализма: национализм толпы (“С нами Бог!”) и национализм элиты, так называемый “ответственный национализм” (“Если я русский, значит, я ответствен за все происходящее в стране!”). Поэтому лозунг первых “Хватит кормить Кавказ!” вызвал резко негативную реакцию последних. Правящая элита предпочитает “управляемый национализм”. Еще одна проблема – радикализм запрещенной партии НБП и их сторонников, настаивающих на проведении “прямых действий”.

Социальная база современного протестного движения – доселе молчавшее “большинство”, состоящее из двух социально и демографически различных групп. Во-первых, уже упоминавшегося молодого среднего класса и, во-вторых, пенсионеров разных возрастов. Это большинство осознало, что тандем власти и собственности создал для себя “государство в государстве”, не только отчужденное, но все сильнее территориально обособляющееся от остального общества. Вместе с тем все наблюдатели подчеркивают, что это был гражданский митинг, в котором участвовали представители

оппозиционных партий и движений, их лидеры и рядовые граждане, ученые, писатели, представители свободных профессий. Значит, их объединил не только лозунг “За честные выборы!”, но и вообще максима: за честную, справедливую жизнь.

Идеология и политика

Идеология имеет решающее значение в формировании СД [Milbrath, 1984; Obershall, 1993; Lane, 2010]. Общей идеологической платформы у рассматриваемых акций массового протеста не было – слишком различен был их состав: коммунисты, социалисты, националисты, умеренные и ультра-либералы, националисты, анархисты, экологи и многие другие. И вообще, подчеркну еще раз, даже партийные активисты присутствовали и выступали как граждане (или организаторы митинга). Скорее, общим был *главный фрейм*: “Мы не хотим жить далее так, как мы живем сейчас” или, используя известный слоган С. Говорухина: “Так жить нельзя!”. Тогда как *фреймом действия* был другой слоган: “Требуем честных выборов!”.

Но это – скорее моральный императив, который тем не менее привел в движение массу людей. “Власти должны уважать нас!”, “Мы – не рабы!”, “Наши голоса должны быть услышаны!”. Конечно, митингующие были хорошо осведомлены и об “Арабской весне” и о движении “Оккупируем Уолл-стрит!”, однако эти значимые для мира события не были даже второстепенными причинами массовых протестов в России – слишком много обид, недовольства и гнева накопилось в ней самой. Именно поэтому проблемы политической легитимности самой системы вышли на первый план, а глобальные проблемы остались пока на заднем плане.

Сегодня нет более актуальной задачи, чем способность политически разных групп отставить в сторону свои идеологические разногласия и в ходе публичной дискуссии выработать программу единых действий, тактику и способы ее реализации, наметить стратегию на более длительный период, “сохранить стихийно сложившееся единство” (С. Удальцов) с тем, чтобы участники последующих массовых акций ощутили реальный успех своих действий. Но даже если последующую активность граждан властям удастся заблокировать, программа единых действий должна быть создана.

Еще одна важная задача, остающаяся нерешенной в течение десятилетий, – это аккуратно и уважительно инкорпорировать в эту программу требования “ответственных националистов”. Но самый трудный барьер, который необходимо преодолеть, – типологический разрыв между политикой и идеологией. Требования участников прошедших митингов от самых разных партий были весьма сходны практически, но идеологию политических партий как таковых сблизить практически невозможно. Это – “бомба замедленного действия”, которая рано или поздно может подорвать хрупкое единство гражданского согласия. Нерешенным остается вопрос соотношения парламентаризма и субполитики массовых движений, имеющих разные основания своих структур и функций.

Роль Интернета

Сегодня две трети населения страны являются пользователями Интернета – *мощного ресурса* любого общественного движения. Высказывается мнение, что российский электорат разделился на ТВ-людей и интернет-людей. Они живут в разных информационных средах, независимо от ее охвата, формы или содержания. У них – разное видение мира (*world-view*). По сути, это разные типы культуры: “архаичная”, с преобладанием культа насилия и варварства, наркотизированная потоком информации, льющегося из “ящика”, и современная – креативная, диалогическая, а потому гораздо более образованная и инициативная политически.

Но влияние Интернета этим не ограничивается. Интернет-бытие людей и их реальное бытие все более расходятся по самым разным параметрам: взгляду на мир, типу поведения и социальной организации, степени доверия и взаимопонимания.

Наиболее существенно, что реальное бытие интернет-граждан, особенно в столицах, ушло далеко вперед по сравнению с господствующим взглядом на мир властей предрержащих, которые до последнего времени не видели или не хотели замечать этот разрыв. В то же время столицы и большие города подтвердили свою ведущую роль в протестной активности. Так, если митинги в Москве собирали по 40–100 тыс. чел., то в большинстве меньших городов – от 30 до 500 участников. Более того, создается впечатление, что часть правящей элиты движется в противоположном историческом направлении, что уже не раз случалось в истории. Так, если наиболее образованная и политически продвинутая часть гражданского общества РФ все более склоняется к "переговорной модели" разрешения политических проблем (*the governance model*), то правящая элита продолжает демонстрировать приверженность директивной и ручной модели управления общественными процессами (*instructive model*).

Проблема лидера гражданского движения

У социальных движений различной направленности всегда был лидер, о чем существует соответствующая литература (см., например, [Murphy, 2009; Илларионов]). В. Путин по умолчанию все еще считается национальным лидером. Он, не являясь председателем партии Единая Россия, позиционирует себя как создатель Общероссийского народного фронта. Тем самым, он формирует круг не своих политических оппонентов, а *слушателей*, которые в силу зависимости от государства и созданных им движений не могут вести открытую полемику с властями предрержащими. Но модели модернизации и национальной политики в целом вырабатываются только в дискуссии равных сторон.

В то же время у рассматриваемого оппозиционного социального движения граждан нет своего лидера национального масштаба. Есть только группа инициаторов и организаторов движения, претендующая на такое лидерство. Но, может быть, в движении, организованном по сетевому принципу, такой единоличный лидер не нужен вообще? Как заявил известный политолог Н. Злобин, "российское гражданское общество должно иметь такого лидера, как Алексей Навальный в каждом городе и поселке" [Злобин, 2011]. Что вполне согласуется с моделью горизонтальной сетевой организации, получившей название "клики", когда каждый местный лидер связан со всеми остальными [Olsen, 2005, p. 66–67]. Но в качестве удачной фигуры видится именно Навальный – 35-летний блогер-активист, который своей борьбой против коррупции инициировал "переход" людей из блогосферы на улицу.

Однако Навальному, несомненно смелому и знающему человеку, митингующие все же предпочли писателя Б. Акунина и ученого М. Гельфанда, то есть личностей интеллигентных, но не публичных, к тому же не имеющих никакой политической биографии. Другие полагают, что Россия сегодня нуждается в лидере типа В. Гавела, то есть в масштабной личности харизматического типа, одновременно обладающего качествами справедливого и в то же время жесткого политика. По мнению А. Илларионова, "общегражданскому движению лучше иметь не одного лидера, а группу лидеров, как представляющих различные части российского политического и идеологического спектра, так и включающих уважаемых граждан, разделяющих главные стратегические цели ОГД" [Илларионов].

Вызов и ответ

О ресурсах мобилизации масс уже было сказано выше. Сценарий их лидеров прост: последовательное усиление давления на власть. Главный вопрос – ресурсы дальнейшего успеха движения. Если власть временно отступит, произойдет демобилизация движения, к этому неизбежно добавится его усталость от повторяющихся действий, как было на Триумфальной площади, и просто обычная человеческая усталость *в отсутствие некоторой значимой конечной цели*. Потенциальный ресурс тех,

кто вышли на проспект Сахарова в декабре 2011 г., – знание о негативном прошлом и недовольство настоящим.

Вот некоторые высказывания митингующих: *"Мы не чувствуем себя гражданами страны"; "Мы устали от неопределенности и двойных стандартов"; "Лично я в порядке, но я удручен тем, что происходит вокруг меня"; "Я чувствую, что морали больше нет"; "2000-е были годами упадка, и я рад что они кончаются"; "Люди не хотят нового царя или единоличного лидера. Мы видели Тахрир и не хотим кровавой бойни у нас"; "Мы стали очень закрытыми и недоверчивыми"; "Мы хотим честной конкуренции – она должна быть нормой повседневной жизни"; "Мы привыкли чувствовать себя гражданами великой страны, но мы видим, как она сокращается и слабеет"; "Мы не знаем, кто мы: левые или правые?"; "Мы убеждены, что политического консенсуса можно достичь! Но на какой платформе?"; "Простые люди ощущают себя в вакууме, они не понимают, что мир стал совсем другим"; "Самое главное – это мои права как гражданина! Энергия этих протестов должна быть конвертирована в социальную технологию нашего участия в созидании нового социального порядка"; "Мне 69 лет, и я в тоске, что я родилась при Сталине и умру при Путине".*

Особенно показательны лозунги "молодых и продвинутых": *"Мы проснулись, и это только начало!"; "Мы вернемся!"; "Нас – 146%" (парафраз лозунга протестовавших в США: "Нас 99%"); "Хватит кормить удава – верните наши деньги!"; "Россия должна быть свободной!"; "Прага нам ближе, чем Пхеньян!".* Один молодой активист и участник двух предыдущих митингов сказал: *"Мы – движение декабристов 2.0"*.

Независимые эксперты шли дальше в своих оценках: нарушения законодательства о выборах в Думу – лишь повод для массового протеста. Его корень – в самом "путинизме", то есть в сложившейся за десятилетие политической организации общества. Некоторые из них считают, что страна откатилась еще дальше назад по оси истории, потому что, будучи европейской страной, Россия управляется как султанат. Люди вышли на улицу не только по причине нарушения "правил игры", но потому что власть их игнорирует как граждан, имеющих право слова и право быть услышанными. Бегство капитала в офшоры – главный признак системного кризиса.

Выше было отмечено, что принципиальным моментом теории социальных движений должен быть анализ расстановки социальных сил и их действий. Однако ни лидеры протеста, ни эксперты не попытались просчитать ответ властей предержащих на требования митингующих. Первоначально власти реагировали как всегда: ничего не произошло. Однако уже несколькими днями позже президент Д. Медведев в своем ежегодном послании Федеральному собранию сказал, что существующая политическая система должна быть пересмотрена. Некоторые ключевые фигуры в его окружении заявили, что подобные массовые митинги могут иметь позитивный эффект. Однако похожие слова они говорили и раньше. Тем более, что предлагаемые ими изменения отнесены в лучшем случае на 2012–2013 гг. Как бы там ни было, сказал А. Венедиктов, главный редактор радиостанции "Эхо Москвы", это будет поворотной точкой. С одной стороны, во власти есть люди, полагающие, что протесты умрут сами собой. Но с другой стороны, есть люди, которые считают, что нужно подавить их в зародыше немедленно. Те же, кто оказались посередине, не знают, что делать и, конечно, они все боятся.

Как отмечают аналитики, да и сами организаторы митингов, чтобы сбить протестную волну власти используют, и весьма успешно, две тактики. Первая содержит обман и секретность. Населению обещают расследовать случаи нарушения законности, создать специальные комиссии, пригласить экспертов, которым "просят не мешать", то есть предполагается их работа в закрытом режиме. Результат предсказуем: через несколько лет будет вынесен вердикт: никаких нарушений не было, власти или силовые структуры действовали строго по закону. Второй инструмент состоит в секретных сепаратных переговорах с лидерами оппозиционных групп с целью разрушения

единства протестного движения, его разделения на множество противоборствующих групп. В обоих случаях публичность (гласность) действий сторон – лучшее лекарство против этих двух тактик [Пархоменко, 2011].

Однако, кроме реакции на протест, есть и позиция властей предержащих. Поначалу их ответ был стандартным: ничего существенного не произошло, это все маргиналы, спонсируемые из-за рубежа. Однако после митинга на Болотной площади 10 декабря 2011 г. правящая элита начала отвечать на вызов по двум направлениям. Во-первых, она практически впервые озвучила требования митингующих, но отнесла их реализацию на будущее. Во-вторых, она предприняла усилия по консолидации правящей и региональных элит, поскольку в некоторых регионах сепаратистские настроения вновь усилились [Постнов, 2011]: чем слабее властная вертикаль, там сильнее голос региональных и/или национальных элит. Тем не менее, судя по реакции правящей элиты, она отстаёт в осознании и интерпретации происходящих политических перемен и возрастающей роли гражданского общества.

Резоны этой элиты и ее сторонников можно суммировать следующим образом: "Мы хотим сохранить стабильность, и потому нам незачем ходить на митинги, когда мы уже выразили свою волю на недавних выборах в Думу"; «Мы голосовали за "план Путина", потому что именно он обеспечит эту стабильность. Мы хорошо помним хаос и падение жизненного уровня после горбачевской перестройки»; «Если вы, "демократы", тронете Путина, вот тогда мы выйдем на улицы!»; «Вы должны знать, что у нас есть мощная сила молодежных организаций – "Молодая Россия", "Наши" и многие другие»; "Нас поддержат армия, внутренние войска, полиция, а главное – пенсионеры"; "Мы предпочитаем не митинги, а организованные действия: организация всегда сильнее митинга"; "Вы же видите, что против ваших митингов уже выступили рабочие сталелитейных заводов и других отраслей тяжелой индустрии, потому что из-за вашей новой перестройки они потеряют работу".

Но вернемся к главному: к требованиям митингующих, выдвинутых ими на митинге 10 декабря и развитых в требованиях на митинге 24 декабря на проспекте Сахарова. Первое – освободить всех неправосудно заключенных; второе – результаты фальсифицированных выборов должны быть пересмотрены; третье – отправить в отставку председателя Центральной избирательной комиссии; четвертое – зарегистрировать все оппозиционные партии; пятое – создать московскую независимую комиссию наблюдателей за ходом новых выборов; шестое – принять в ближайшие месяцы новый, более демократический закон о выборах.

После самого большого митинга (24 декабря) его организаторы решали задачу, как добиться того, чтобы выборы президента были не безальтернативными. Затем они стремились добиться, чтобы группы независимых наблюдателей были снабжены списками действительно голосовавших, то есть быть вооруженными подлинной базой данных. Лидеры этих групп должны стать публичными фигурами, способными разоблачить "ложный плюрализм" кандидатов в депутаты. По выражению Ю. Латыниной, эти группы должны быть "организацией без организации", потому что в таком случае их члены смогут гораздо эффективнее отслеживать ход голосования.

Что после?

Лидеры митинговой волны выдвинули правительству ряд требований и предлагают "круглый стол" для переговоров, причем некоторые из этих лидеров утверждают, что сейчас "процедура важнее их содержания". Далее, эти лидеры полагают, что участники переговоров со стороны протестантов должны быть избраны "протопарламентом", который, в свою очередь, должен быть сформирован путем голосования в Сети (твиттере или фейсбуке).

Возникает ряд теоретических и практических вопросов. Во-первых, сам по себе митинг – законная форма волеизъявления граждан. Но какова легитимная процедура избрания представителей от сотен митингов по всей стране в качестве будущих пере-

говорщиков с властью предрежающими? Ее пока нет. Во-вторых, этот протопарламент и избранные им переговорщики не будут легитимными, так как пользователи твиттера не представляют интересов всего народа. В-третьих, с противоположной стороны на переговорах, если они вообще состоятся, будут те, кого уполномочит власть. Она никогда не выбирает переговорщиков демократическим путем. Значит, властная вертикаль в очередной раз столкнется с демократической "горизонталью". В-четвертых, на какой площадке такие переговоры могут состояться? Это же не Учредительное собрание, где позиции всех политических групп и социальных движений могли бы быть представлены, а просто переговоры двух противостоящих групп!

В-пятых, и это, на мой взгляд, самое главное: тезис "процедура важнее содержания" – ошибочен. Главное – мораль и идеология желаемых общественных перемен и отвечающий им социальный порядок, то есть соответствующие нормы и правила. И вообще – как быть, когда одна сторона действует, хотя бы формально, в рамках существующего законодательства, а другая предлагает только что сконструированную и нигде публично не опробованную процедуру переговоров? Как тест *in vivo* на переход от парламентской к сетевой демократии такая форма переговоров возможна, но как инструмент решения конкретных вопросов – вряд ли. В западных теориях социальных движений вопрос прямых переговоров противоборствующих сторон фактически не разработан, потому что, во-первых, их общая идеологическая база (капитализм, рынок, конкуренция) не подвергается сомнению, а во-вторых, в западной практике власть сама реагирует на требования протестантов, что не значит, что она с ними обязательно соглашается. Там СМИ – главная площадка для публичных дебатов, на которой могут быть представлены все точки зрения.

Сходства и различия

Сравнивая движения "Occupy Wall-Street" в США и "За честные выборы" у нас, я вижу в них много общего. Прежде всего они порождены растущим разрывом между сверхбогатым меньшинством, которое всегда имеет возможность сбросить груз экономического кризиса на плечи бедных, и ухудшающимся экономическим и социальным положением нового поколения среднего класса, для которого уклад "жизни в кредит" становится невыносимым. Это также СД не *pro et contra* конкретного закона или решения, а против самого социального порядка современного капитализма: все более интенсивный труд не дает никаких гарантий на обеспеченную жизнь в будущем. Но это означает также, что они верят в "честный капитализм", в меритократию. Далее, очевидно, что эти и другие современные СД носят сетевой характер. Это расширяет их возможности не только в плане мобилизации ресурсов и политического маневра, но и в плане сотрудничества в личном качестве членов различных партий, придерживающихся разных идеологических убеждений. Эти СД являются гражданскими еще и потому, что пожертвования, скажем, на организацию митингов (а в США – на лагерь протестующих) идут исключительно из частных источников. До сих пор эти митинги у нас были согласованы с городской администрацией, а там действует просто уведомительный характер проведения подобных акций. В общем и целом, оба СД выступали за социальную справедливость, но в отличие от прежнего этапа, когда речь шла о более справедливом распределении рисков между различными слоями населения, сегодня это, скорее, борьба за политическую справедливость.

Однако различие между ситуациями на Западе и в России представляется более серьезным. Во-первых, здесь явно различие контекстов, в которых развивались эти СД. В первом случае мы видим находящийся сейчас под огнем критики, но все же демократический, во втором – авторитарный (корпоративистский) режим. Там – разделение властей, власть закона, сильное гражданское общество, включая профсоюзы, социальные движения, группы интересов. К тому же местные власти обладают ресурсами для реализации требований своих граждан. Здесь же мы имеем "амальгаму" власти-собственности, господство "понятий" над законами, слабые или подчиненные

государству профсоюзы, муниципалитеты не имеют ресурсов для удовлетворения жизненных потребностей граждан, “утечка мозгов” нарастает... Советское прошлое до сих пор властвует над сознанием многих социальных групп, причем не только старших возрастов. Там, несмотря на кризис, у молодежи господствует установка на самореализацию индивидуального жизненного проекта, здесь же, прежде всего в сервис-классе, господствуют патерналистские ожидания и боязнь любых инноваций. В целом на Западе гражданское общество достаточно сильно, чтобы сопротивляться давлению государства и транснациональных корпораций, у нас же оно еще очень слабо, испытывает перманентное давление силовых структур и находится в состоянии перманентного дефицита ресурсов. Частный, но показательный пример: за годы реформ так и не удалось создать общественного телевидения. Силовое давление на лидеров протестных акций и движений продолжается.

Некоторые предварительные выводы

Год 2011 получил название “года протеста”. Однако прошедшая серия массовых митингов протеста – в лучшем случае лишь начало долгого пути адаптации существующей политико-экономической системы России к быстро изменяющемуся глобальному контексту. Причем совсем не обязательно именно к его глобализации, а скорее – к регионализации и появлению новых центров силы и угроз целостности России. Быстрых и радикальных изменений не получится, потому что ресурсов для быстрых и тем более “опережающих” трансформаций нет: нет элиты, ориентированной на модернизацию, нет того массового социального слоя, который мог бы ее практически реализовать. Что касается “политики митингов”, то мне она напоминает времена перестройки, только сегодня в условиях куда менее благоприятного внутреннего и международного контекста.

Сегодня, когда каналы обратной связи между обществом и государством практически заблокированы или открыты только тем, кто угоден власти, массовый митинг протеста стал единственным ненасильственным способом политического давления и, тем самым, оказания влияния гражданского общества на власть. Одновременно массовый митинг протеста – вызов и предупреждение власти о том, что ресурс ее легитимности кончается. Массовый митинг протеста – инструмент, используемый гражданским обществом для расширения структуры своих политических возможностей. Подобные митинги являются средством накопления политического капитала граждан и важнейшим инструментом восстановления межличностных связей между самыми различными слоями и группами общества, разрушенных всеобщей маркетизацией общественной жизни. Иными словами, массовый митинг – средство реабилитации человека-гражданина, возвращения ему вытравленного господством института власти-собственности чувства собственного достоинства и моральной ответственности за происходящее в стране. Наконец, митинги – вызов тем нашим коллегам, которые превратили социологический анализ в рынок мнений и рейтингов, забыв, что кроме массовых опросов есть еще теоретическая аналитика и критический анализ.

“Рыночная социология” очень долго избегала углубленного изучения темы массового протеста, потому что массовое *коллективное действие* конфликтного характера требует иных исследовательских подходов. Прежде всего – изучения расстановки и динамики противостоящих сил, их целей и ценностей, стратегии и тактики, форм социального действия, изменяющегося контекста, в котором они совершаются, структуры политических возможностей, объема и характера ресурсов, используемых индивидуальными и коллективными социальными акторами, и многого другого. Наконец, исследователь социального движения должен быть одновременно инсайдером и аутсайдером, человеком разносторонним, способным разговаривать на языках противоборствующих сторон, уметь переводить с языка науки одновременно как на язык толпы и массового действия, так и на язык бюрократический, административный.

Изучение социальных движений – это работа “без посредников” и мягких прокладок (заранее заготовленных вопросов, опросных сетей, интервьюеров, анкетеров), часто – один на один с теми, кто зачастую вовсе не склонны делиться своими мыслями или планами на будущее. Наконец, разные формы социального активизма оказывают важный терапевтический, реабилитирующий эффект: они возвращают людям чувство собственного достоинства и уверенности в своих силах. А это, в свою очередь, методологически означает, что подобные социальные феномены должны изучаться не только с позиций экономической, но и социокультурной рациональности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акции экологического движения. М., 1996.
- Альбац Е., Барабанов И., Беишей О., Светова О. Москва, проспект Сахарова // *The New Times*. 2011. № 44, 45.
- Барабанов И., Беишей О. Второе пришествие Прохорова // *The New Times*. 2011. № 44, 45.
- Барабанов И., Мостовщиков Е.. От Тахир до Болотной // *The New Times*. 2011. № 44, 45.
- Ермолин А. Наши бесы // *The New Times*. 2011. № 44, 45.
- Здравомыслова Е. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 1993.
- Злобин Н. 2011. Особое мнение // “Эхо Москвы”. 2011. 21 декабря.
- Илларионов А. Декабрьские тезисы для граждан России (<http://www.aillarionov.livejournal.com/374266.html>).
- Казарлицкий Б. Реставрация в России. М., 2000.
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в России. М., 2010.
- Пархоменко С. Как это было на самом деле // “Эхо Москвы”. 2011. 29 декабря.
- Постнов Г. Уголок межнационального несогласия // Независимая газета. 2011. 15 декабря.
- Фурман Д. 2010. Заметки (<http://www.polit.ru/research/2010/12/08/furman.html>).
- Яницкий О. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск, 2002.
- Яницкий О. Социальные движения: сто интервью с лидерами. М., 1991.
- Яницкий О. Экологическое движение в России. Критический анализ. М., 1996.
- Branch T. Pillars of Fire. America in the King Years: 1963–65. New York, 1999.
- Global Civil Society Yearbook. Oxford, 2003.
- Hall J. Civil Society. Theory, History, Comparison. Cambridge., 1995.
- Kriesi H.P., Koopmans R., Dyrendak J., Giugni M. New Social Movements in Western Europe. A Comparative Analysis. Minneapolis, 1995.
- Lane D. Civil Society in the Old and New Member States: Ideology, Institutions and Democracy Promotion // *European Societies*. 2010. Vol. 12. № 3.
- Milbrath L. Environmentalists: Vanguard for a New Society. Albany–New York, 1984.
- Murphy R. Leadership in Disaster. Learning for a Future with Global Climate Change. Montreal, 2009.
- Obershall A. Social Movements. Ideologies, Interests, and Identities. New Brunswick–London, 1993.
- Olsen Th. International Zapatismo. The Construction of Solidarity in the Age of Globalization. London, 2005.
- Seligman A. The Idea of Civil Society. New York, 1992.
- Snow D., Benford R. Master Frames and Cycles of Protest // *Frontiers in Social Movement Theory*. London, 1992.
- Social Movements and Culture. Minneapolis, 1995.
- Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays. New Brunswick, 1987.
- Temkina A. Russia in Transition: the Case of New Collective Actors and New Collective Actions. Helsinki, 1997.
- Tilly Ch. Social Movements, 1768–2004. London, 2004.
- Wank D. Civil Society in Communist China? Private Business and Political Alliance, 1989 //
- Hall J. Civil Society. Theory, History, Comparison. Cambridge, 1995.
- Weselowski W. The Nature of Social Ties and the Future of Postcommunist Society: Poland after Solidarity // Hall J. Civil Society. Theory, History, Comparison. Cambridge, 1995.